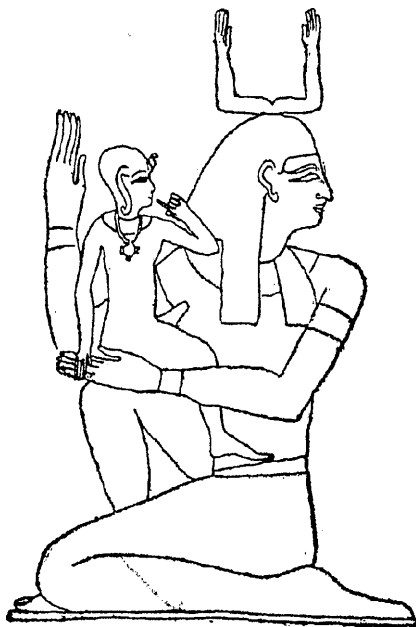

В. В. РОЗАНОВЪ.

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ МОТИВОВЪ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.

1917.

У 107
134

2007041682

Въ великолѣпныхъ auto-da-fe
Сжигали злыхъ еретиковъ...

— не своихъ дѣтей, не „друзей“, но „недруговъ“, т. е. тутъ мы можемъ различить ясно злое — умершвление „врага“.

Теперь мы догадываемся, что какъ это „in majorem gloriam“ есть высшая степень логической гордыни, такъ есть нѣкоторое ниспаденіе „долу“ духа въ принесеніи въ жертву „миндалинокъ“, выношенныхъ „собственнымъ“ чревомъ, и при взглядѣ, что это чрево — свято, и, ужъ конечно, еще болѣе непорочно и свято, еще болѣе „чистый ярый воскъ“ — само дитя. Мы не умѣемъ это выразить, но ярко чувствуемъ, что тутъ именно другой полюсъ инквизиции: — тѣ глубины прошенія и смиренія, которыя выразились въ словѣ сидонянки: „Что мнѣ и тебѣ, человѣкъ Божій! — ты пришелъ напомнить грѣхи мои и умертвить моего сына“. Во всякомъ случаѣ это-то уже понятно и читателю, что „сожженіе себя“ есть нѣчто обратное, вывернутое по отношенію къ „сжиганію чужака“; что сжечь свое дитя — обратное, чѣмъ сжечь недруга. И, наконецъ, сжечь грѣшнаго „злого“ еретика и сжечь невинное дитя — тутъ все обратно, тутъ все противоположно, съ центромъ въ обоихъ разошедшихся фактахъ пламени „огня поѣдающаго“. Тамъ и здѣсь — „около Бога“, „религіозное“; но — расходящееся въ противоположныя стороны. И, мы чувствуемъ, — тутъ есть расхождение въ самыхъ представленіяхъ Бога. Но въ кострахъ auto-da-fe не ложно мы видимъ ужасное зло, бездну чернаго и демоническаго, бури гнѣвливости, дьявольскую жестокость и неправду; и только подъ угломъ этого сравненія мы вдругъ откроемъ въ „огняхъ“, черезъ которые „проводили своихъ дѣтей“ израильтяне съ такимъ неудержимымъ рвеніемъ, — снова какой-то, намъ вовсе непонятный, но безспорно небесный и чистый свѣтъ кротости. Да вотъ отвѣтъ Ахава, сейчасъ послѣ пораженія сирийскаго царя Венадава; испуганный, этотъ царь, думая, что пришло время смерти его, „бѣгалъ изъ одной внутренней комнаты въ другую“, и о немъ сказали Ахаву. „Развѣ онъ живъ?“ переспросилъ этотъ: „онъ — братъ мой“. Снова это тембръ души, какой сказался въ отвѣтѣ сидонянки Иліѣ. Мы замѣтили уже, что „дыханіе“ всего Востока полно „материнствомъ“ — „отчествомъ“; что этими чертами въ себѣ человѣкъ обращенъ къ небу¹⁾, т. е., естественно, онъ обращенъ въ брачномъ ритмѣ, въ секунды дѣйствительно таинственныхъ разложеній индивидуальнаго существа въ „отца“ и „сына“, „мать“ и „сына“. И именно въ небѣ онъ видитъ, къ небу онъ относитъ разлагающее такъ себя начало, т. е. онъ молится небесному „материнству“ и „отчеству“. Евреи особенно почув-

¹⁾ „Ибо когда увидать у себя дѣтей своихъ, дѣло рукъ Моихъ“, — говоритъ Господь, — то они свято будутъ чтить Имя Мое и свято чтить Святого Іаковлева и благоговѣть передъ Богомъ Израилевымъ“ (Исаія, глава 29, стихъ 23). Еще полнѣе и общѣ въ книгѣ Іова: „Если бы Богъ обратилъ сердце Свое къ Себѣ, и взялъ къ себѣ духъ земли и дыханіе его, то вдругъ погибла-бы всякая плоть и человѣкъ возвратился-бы въ прахъ“ (глава 34, стихъ 14 и 15).

ствовавши „отчество“¹⁾ въ небѣ — противоположное и дополнительное ярко выраженной женственности²⁾ себя какъ нации; болѣе мужественные финикіане, отважные моряки и изобрѣтатели, — ярче почувствовали въ небѣ дополнительное къ себѣ материнство. Существо, однако, здѣсь и тамъ — одно: это — то существо, та тайна міра и истина его, которую инстинктивно ощущаетъ даже современная намъ наука, очень мало думающая о религіи, рѣшительно отказываясь признать начало жизни „обыкновеннымъ“ ростомъ изъ „стихій“ земли, изъ „красной глины“, безъ замѣшавшагося сюда высшаго „дыханія“; и, напримеръ, устами кажется Цѣльнера, высказала гипотезу, что „первая органическая клѣточка, вѣроятно, упала на землю съ метеоритомъ“. Съ „метеоритомъ“ или нѣтъ, но — съ „неба“, „не“ съ земли, „не“ изъ „красной глины“ поднялась, — вотъ что важно въ утвержденияхъ XIX вѣка и что глубоко вѣрно и точно почувствовалось еще строителями Вавилонскаго храма (дѣвушка, на вершинѣ храма ночующая, „къ которой ночью приходитъ божество“). Но вернемся къ евреямъ и Финикіи: если характеръ финикіянъ былъ болѣе суровъ, то специфически религіозное у нихъ представленіе, такъ сказать небесное дополненіе земного человѣка, будучи одной природы съ еврейскимъ, было нѣжнѣе, глубже, любящѣе. Тутъ и лежитъ разгадка столь поразительнаго явленія, которое мы наблюдаемъ въ Библии за всю классическую пору существованія Израиля: что неподвижные, упорные, косные въ религіозной сферѣ евреи — неудержимо влекутся къ слянію съ Финикіей; влекутся въ пору Бого-видѣнія (Соломонъ), сейчасъ послѣ псалмовъ Давида, въ пору созданія Экклезіаста и Пѣсни Пѣсней, при Іезекилѣ, при Иліѣ, Исаяѣ, Амосѣ. Теперь, когда все стало непонятно намъ на Востокѣ, — непонятенъ и этотъ фактъ; но это была внутренняя борьба въ одномъ по существу явленіи: — „отчество“ ли оно? но почему — и не „материнство“? почему не „материнство и отчество“? и, главное, — почему не еще усиленнѣе, не еще страстнѣе, не еще глубже, чѣмъ „у насъ“ (Израиль)? Это былъ порывъ Израиля къ чему-то универсальному, но въ тѣхъ-же самыхъ линіяхъ, въ томъ-же самомъ планѣ мысли, въ которой и вѣчно, еще съ Авраама, онъ двигался; было движеніе къ „огнистымъ камнямъ“, „украшеннымъ одеждамъ“, къ „полнотѣ мудрости и вѣнцу красоты“, — какъ это выразилось въ отношеніи финикійскаго Тира съ безмѣрною любовью у Іезекиля (глава 28). Но, однако, съ мѣстной и племенной, „12-колѣнной“, точки зрѣнія — это было уклоненіемъ отъ строгаго и нѣсколько жесткаго „отчества“, коему Израиль былъ обреченъ, — и онъ былъ

¹⁾ Однако первая строка Бытія: „Въ началѣ сотворилъ Богъ...“ „Сотворилъ“ = „бара“ — форма глагола въ единственномъ числѣ — указываетъ на единство или нерасчлененную слянность творческаго акта; но „Богъ“ = „Елогимъ“ — форма не единственнаго числа. Т. е. въ первую строку и основное понятіе Израиля завито было и материнство къ міру.

²⁾ Евреи — замѣчательно женственны, крикливы, нервны, и, напримеръ, у нихъ, кажется, вовсе не встрѣчается голосовъ „съ октавой“.

остановленъ пророками. Мы можемъ, въ точкахъ соприкосновенія, вездѣ отмѣтить въ Израилѣ реакцію въ сторону грубости: вѣдь это Илія „порубилъ пророковъ“ на Кедронѣ; и въ сношеніяхъ съ сидоняною—вся нѣжность, покорность судьбѣ, готовность къ помощи—на ея сторонѣ; въ случаѣ съ Ахавомъ:—едва онъ отпустилъ Венадава, какъ къ нему является пророкъ и говоритъ: „душу за душу.. Вотъ, ты отпустилъ его живымъ, и за это заплатишь жизнью“. Вообще, черты грубости и жестокости, порою рѣшительно непереносимыя, какія есть въ книгахъ Царствъ, вездѣ суть реакція специфически-израильскаго духа противъ болѣе кроткихъ „дыханій“ „материнскаго“ сосѣдства. Книга Руевъ, Книга Товита, Книга Іова и, наконецъ, Пѣснь Пѣсней—вотъ отпечатокъ Моава, Ниневіи, Аравіи, Сидона на древѣ Авраамовомъ, на законѣ Моисеевомъ; и, съ тѣмъ вмѣстѣ, это суть самыя нѣжныя и высокія страницы въ самой Библии; онѣ гораздо выше и чище Второзаконія. Есть даже удивительная высота въ томъ, что „сосѣдство“ не оставило послѣ себя никакихъ книгъ: оно прожило „Пѣснь Пѣсней“ вмѣсто того, чтобы оставить памятникъ этой жизни въ словѣ. Кстати объ этомъ великомъ произведеніи. Мы догадываемся, что оно и есть памятникъ „дубравныхъ“ молитвъ; и, до извѣстной степени, это есть въ словѣ выраженная мысль и планъ Вавилонскаго храма. Образы Іезекиіля объ отношеніи Бога къ Израилю—въ сущности повторены здѣсь; и въ то же время, въ неясности говорящихъ здѣсь лицъ, въ томъ, что мы постоянно слышимъ голосъ котораго-нибудь одного лица, что это есть вздохи, ожиданія, но не встрѣча и не самое касаніе, мы какъ бы читаемъ ту ночь ощущеній „туземной женщины“ на „высотѣ“ таинственнаго храма, описаннаго Геродотомъ:

„Я сплю—а сердце мое бодрствуетъ; вотъ голосъ моего Возлюбленнаго, который стучится:— „Отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои—ночною влагою.

„Я скинула хитонъ мой; какъ же мнѣ опять надѣвать его? я вымыла ноги мои—какъ же мнѣ марать ихъ?

„Возлюбленный мой протянулъ руку сквозь скважину, и чрево мое взволновалось отъ него.

„Я встала, чтобы отпереть Возлюбленному моему, и съ рукъ моихъ капала мирра, и съ пальцевъ моихъ мирра капала на ручки замка.

„Отперла я Возлюбленному моему—а Возлюбленный мой повернулся и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ. Я искала его и не находила его; звала его и онъ не отзывался мнѣ.

„Встрѣтили меня стражи, обходяшіе городъ, избилы меня, изранили меня; сняли съ меня покрывало стерегущіе стѣны.

„Заклинаю васъ, Дщери Іерусалимскія!—если вы встрѣтите Возлюбленнаго моего—что скажете вы ему? что я изнемогаю отъ любви.

„Чѣмъ Возлюбленный твой лучше другихъ возлюбленныхъ, прекраснѣйшая изъ женщинъ? Чѣмъ онъ лучше, что ты такъ заклинаешь насъ?”

„Видь его подобенъ Ливану, величественъ какъ кедры; уста его — сладость и весь онъ — любезность. Вотъ кто Возлюбленный мой, и вотъ кто Другъ мой, дщери Иерусалимскія“ (Пѣснь Пѣсней, глава 5).

Конечно, мы можемъ тутъ улыбнуться, вспоминая

...игры Ваха и Киприды,

но насъ остановить безспорно религіознѣйшій на землѣ народъ — евреи, ибо именно эту „Пѣснь Пѣсней“, а не „Исходъ“ и не „Второзаконіе“, что отвѣчало бы историческому воспоминанію, они читаютъ въ „субботу субботъ“, въ „святую“ Пасху. И наша церковь, которая также не знаетъ

...игръ Ваха и Киприды

и не можетъ не видѣть, что содержаніе Пѣсни Пѣсней есть чисто брачное, — признала, что содержаніе это обнимаетъ не лицо, не индивидуумы, не землю, но обнимаетъ землю въ отношеніи ея къ небу, содержитъ „поднятыя“ надъ землею „небесныя воскрилія“ (Иезекииль). Тутъ гипотеза Цѣльнера, храмъ „древняго Бела“, мечта Саиса, вздохи Сидона, мысль „обрѣзаннаго“ подъ дубомъ Мамврійскимъ Авраама, — вторая, не объясненная Аврааму, темная сторона обрѣзанія, сказавшаяся въ загадочномъ восклицаніи Сепфоры: „ты теперь — женихъ крови у меня“... „И отошелъ Господь: она-же прибавила — женихъ крови по обрѣзанію“.

„Обрѣзаніе“ и есть „обрученіе“ - „обѣщаніе“, коего исполненіе начинается по достиженіи половой зрѣлости. „Съ первыми признаками зрѣлости, въ 13 лѣтъ, еврей уже становится полноправнымъ въ народѣ и обязанъ исполнять всѣ мицвы или религіозные законы“. (Н. Переферковичъ — „Талмудъ, его исторія и содержаніе“. Спб. 1897 г., стр. 91). Здѣсь опять громовой недостатокъ воображенія, — недостатокъ силы представлять, — былъ причиною, почему и этотъ переводчикъ на русскій языкъ Талмуда, и тысячи ученыхъ гебраистовъ и библейскихъ историковъ, конечно знавшихъ это еврейское „правило вѣковъ“, прошли глухо и нѣмо мимо этого правила, хотя оно кричало имъ въ ухо гораздо болѣе, чѣмъ пресловутый „камень Хаммураби“. Какъ было не замѣтить изъ него („въ 13 лѣтъ — всѣ мицвы“), что внутренняя сущность юдаизма, вся сущность и всего юдаизма, лежитъ не въ „законахъ“, не въ „правилахъ“, не въ самыхъ даже этихъ „мицвахъ“, и равно не въ „Моисеѣ и пророкахъ“, но исключительно и единственно въ возрастномъ и половомъ созрѣваніи мальчиковъ у евреевъ, самчиковъ (самецъ и самка) у нихъ, т. е. въ ихъ членахъ, въ ихъ тѣлѣ, и зернѣ самого тѣла — сѣмени. Что юдаизмъ есть религія сѣмени — и не болѣе, сѣмени — и только, сѣмени — и не иначе. Что все,

что онъ „дѣлаетъ“, мицвы и проч., — все, что онъ читаетъ, молитвы и проч., — все только окружаетъ и только охраняетъ „созрѣвшее къ 13-ти годкамъ сѣмья мальчика“, и не будь-бы его — не было-бы ихъ, а разъ оно есть, зрѣетъ въ каждомъ, формируется во всякомъ, то вотъ сѣдые и мудрые евреи, съ Моисея, Авраама, а въ сущности еще съ Египта и въ Египтѣ впервые — сотворили всѣ эти мицвы, — эти или подобные, и вообще какія угодно — все равно. Ибо все равно — сѣмья уже несется, а разъ есть „подлежащее“ — будетъ „сказуемое“. То, что у насъ въ Европѣ называлось въ одинъ вѣкъ „готикою“ и „рыцарствомъ“, и въ слѣдующій вѣкъ называлось „гуманизмомъ“, а теперь вотъ называется „школою и конституціею“, то въ юдаизмѣ отъ Мемфиса и Вавилона до Вильно и Бѣлостока именуется безъ перемѣнъ однимъ именемъ: „мальчикъ“, „13 лѣтъ“, — и весь Израиль начинаетъ точно прыгать около него, плясать, скакать, пировать, — сходится съ ума, безумствуетъ, надѣваетъ мурмолку и снимаетъ мурмолку, что-то бормочетъ; а вслушивавшись въ бормотанье, мы-бы услышали: „для такихъ-то мальчиковъ и сотворенъ міръ“... Во истину — это Аписъ и годъ избранія его на царство... „Нашли новаго Аписа! Нашли новаго Аписа!“¹⁾ И Оивы шумѣли, Египетъ праздноваѣ. Недоумѣвающимъ странникъ Геродотъ спрашивалъ: „Что такое — нашли? Почему — нашли?“ — Ему насмѣшливо отвѣчали: „Какъ-же, жукъ подъ языкомъ“, какое-то удивительное „изображеніе на лбу“ и что-то такое „на крестцѣ“. Но, конечно, дѣло было не въ этомъ, а въ томъ, что „Аписъ созрѣлъ“, а вотъ еврейскому мальчику — „13 лѣтъ“. Ибо и „жукъ“, и „изображенія“ — все оставалось на Аписѣ, и некуда было этому дѣться, но какъ только „проходило время его“ (старость, половая немощь) — такъ съ него снимались всѣ чины, короны и звѣзды, и онъ становился даже не „быкомъ“, а просто — животнымъ, не тó, чтобы выкидываемымъ вонъ, — деликатные египтяне не были къ этому способны, — но во всякомъ случаѣ „отставленнымъ“, „не нужнымъ“, во всякомъ случаѣ — болѣе не Аписомъ. Но вернемся къ мальчикамъ.

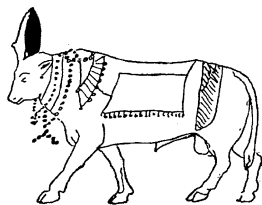

Рис. 23.

¹⁾ Египтяне сдѣлали нѣчто неимовѣрное мастерствомъ своимъ и усилимъ, — и, по истинѣ, въ данномъ рисункѣ Аписа трудъ вѣковъ, забота вѣковъ совершили чудо. Въ самомъ дѣлѣ: можно-ли быку придать человѣчность, можно-ли, чтобы лицо быка было вотъ именно чѣмъ-то вродѣ лица невиннаго мальчика въ 13 лѣтъ, который совершенно не догадывается, чему радуются его родители, какъ вотъ египтяне радовались „нахожденію новаго Аписа“. Между тѣмъ это сдѣлано, достигнуто, совершено. Безспорно, — передъ нами только-что избранный Аписъ, „въ первое ясное утро его“. Онъ самъ — утро, и это утро — въ лицѣ его, совершенно невинномъ, чистомъ, отроческомъ: хотя это въ то-же время и лицо быка, притомъ зрѣлаго, „въ совершеніи“. Но еврейскіе человѣчскіе Аписы „совершаются“ въ 13 лѣтъ, а египетскіе мальчики отъ коровъ (бычки) по законамъ всей земли „совершались“ уже къ истеченію 3-го года отъ роду.

Итакъ, по этому многихъ тысячь лѣтъ обыкновенію — вотъ у евреевъ „начало полнаго гражданства“, примѣняясь къ нашимъ терминамъ — начало „*togae virilis*“, наступающее въ точкѣ обрѣзанія; и, собственно, самое „гражданство“ лежитъ въ ритмѣ этой точки. Мы закончимъ это, нѣсколько археологическое, изслѣдованіе поразительнымъ, какъ и храмъ Бела, изображеніемъ еврейской субботы, какъ оно сдѣлано въ интересной книгѣ г. Переферковича, только что нами цитированной. Но сперва замѣтимъ, что „суббота“ — начинается съ вечера, кончается — въ полдень, и не трудно догадаться, что центръ ея — ночь. Суббота есть — ритмъ, одно бѣненіе въ 4000-лѣтнемъ пульсѣ:

„Переносить предметъ изъ одной такъ называемой области въ другую — запрещено; при этомъ понятіе несенія разлагается на два момента: поднятіе вещи въ одномъ помѣщеніи и опущеніе ея въ другомъ. Такимъ образомъ, возможно нарушеніе этого запрета, даже стоя на одномъ мѣстѣ: достаточно предметъ поднять въ одной области и опустить въ другой. Ученые раввины различаютъ четыре области: 1) область неограниченную, безпредѣльную — решудъ харабимъ; сюда относится всякое пространство, не ограниченное со всѣхъ сторонъ; 2) область ограниченную — решудъ хаяхидъ — собственно: область частнаго лица; сюда относится всякое со всѣхъ сторонъ огороженное пространство, напр. дворъ, такая крѣпость, ворота которой на ночь запираются, и др.; 3) кармелитъ — среднее между областью ограниченной и неограниченной, напр. море, тупикъ, т.е. глухой переулокъ, огороженный съ трехъ сторонъ; и 4) свободное мѣсто — макомъ-патуръ; сюда относятся возвышенія или углубленія, которыя можно разсматривать, какъ ограничennыя со всѣхъ сторонъ. Не только несеніе изъ одной области въ другую составляетъ нарушеніе, но даже несеніе въ предѣлахъ неограниченной области и кармелита, на пространствѣ четырехъ локтей. Носить можно только внутри ограниченной области, какой-бы величины она ни была. Однако дѣлается различіе между ограниченной областью, принадлежащей частному лицу, и такой, которая принадлежитъ многимъ лицамъ. Переносить предметы изъ одной ограниченной области въ другую — запрещено. Вслѣдствіе этого нельзя, напримѣръ, выносить изъ своего дома на дворъ, хотя бы онъ также представлялъ область ограниченную, такъ какъ на него имѣютъ права всѣ сосѣди“...

Въ изложенномъ мы имѣемъ тончайшее какъ-бы обоняніе областей жилья человѣческаго, — обоняніе вообще пространствъ, мѣстностей, съ ихъ какъ бы различными жилыми и нежилыми запахами. Мы, въ Петербургѣ, Берлинѣ и Парижѣ, уже совершенно не умѣемъ вбирать въ носъ этихъ запаховъ, а потому и настоящій мотивъ этихъ распредѣленій субботнихъ пространствъ отъ насъ ушелъ въ вѣчность. Но мы ему должны довѣрять, т.е. вѣрять, что здѣсь „содержалось что-то“, что здѣсь „разумѣется что-то“,

намъ темное и важное. Но вотъ далѣе начинается понятная сторона „субботы“:

„Для того, чтобы выносъ предмета на дворъ не составлялъ нарушенія, должно, чтобы всѣ сосѣди представляли одну семью“...

Вотъ положительная черта въ субботѣ, вотъ требуемое, иско-мое, должное:

„...одну семью съ фиктивнымъ главою, со стола котораго они, „члены семьи“, получаютъ пропитаніе, хотя живутъ въ различныхъ квартирахъ. Символомъ такого „родственного“ отношенія между совершенно чужими людьми является принесеніе всѣми сосѣдами хлѣба къ одному лицу во дворъ 1). Этимъ актомъ всѣ квартиры одного двора соединяются, „смѣшиваются“, такъ что всѣ онѣ вмѣстѣ со дворомъ представляютъ одну и ту-же частную область. Этотъ актъ называется эрувъ — „смѣшеніе“: благодаря ему становится дозволеннымъ выносъ предметовъ изъ частной квартиры на дворъ и обратно“.

Читаешь и не надыхнешься. Читаешь и не наудивляешься. Это что-то параллельное „миквѣ израилевой“ (бассейнъ съ водою для погруженія тѣла евреевъ и евреекъ). Не будетъ филологической ошибкой сказать, что евреи „семьями“ и „общинами“ магически и вѣще погружаются въ свою субботу, уходя въ „глубь субботы“, — на эти 20 часовъ скрываясь отъ европейскаго глаза и подглядыванья. Уходя по-истинѣ „въ себя“. — Ибо объ еврейхъ по-истинѣ можно сказать, что они „облечены въ субботу“ (одѣты ею).

„Въ субботу запрещается удаляться отъ города болѣе, чѣмъ на 2.000 локтей. Для этого устанавливается, при помощи измѣренія, городской иббуръ, т. е. описывающій весь городъ прямоугольникомъ, стороны котораго соотвѣтствуютъ четыремъ сторонамъ горизонта — міровому квадрату. На сторонахъ этого квадрата и строятся субботнія черты — техумы. Онѣ изображаютъ изъ себя прямоугольники, которыхъ одна сторона равняется данной сторонѣ иббура, а другая 2.000 локтей.

„Для того, чтобы можно было въ субботу исполнить какое-нибудь предписаніе — мицву — по ту сторону техума, дозволяется до наступленія субботы фиктивно перенести свое жилище на такое мѣсто, откуда не запрещалось бы ходить какъ до обычнаго мѣста жительства, такъ и до требуемаго мѣста. Символомъ новаго жительства опять становится пища“.

Поразительно. Все поразительно. Все необыкновенно для европейца, — не имѣеть никакихъ „соизмѣреній“ себѣ въ его цивилизації. Суббота, какъ мы

1) Читайте внимательнѣе, — до чего это поразительно! До чего это ново для Европы, „несетъ совсѣмъ другой запахъ“, несетъ „теплый хлѣвъ“, вноситъ „египетскаго навознаго жука“ (скарабей) въ холодныя сѣверныя (у насъ) улицы, — куда мы напрасно впрыскивали изъ трубочки „братство, равенство и свободу“, но никакого у насъ „братства“ не родилось, потому-что какіе-же мы и почему-же мы „братья“ другъ другу? Здѣсь черезъ „навознаго жука“ — вопросъ рѣшенъ: черезъ 6 дней въ 7-ой сосѣди воображаютъ и по требованію религіознаго закона чувствуютъ себя „однимъ хлѣвомъ“, „однимъ стойломъ“, „одною семьею“ — съ „общемою флюю“. „Жукъ“ все рѣшилъ и сотворилъ миръ на землѣ, — миръ по крайней мѣрѣ въ одномъ племени, которое тайно исповѣдало „навозное насѣкомое“.

видимъ и какъ это написано, собственно территориально построяется, вычерчивается на землѣ—вотъ ея особенность. Это „праздникъ мѣста“, гдѣ что-то будетъ совершаться; „что“ совершаться—по обычаю еврейскому о всемъ главномъ—не выговорено. Какъ вѣдь не выговорено и о мальчикахъ, почему-же именно „въ 13 лѣтъ“. Мы-же договариваемъ, что если „праздникъ“—вычерчивается на землѣ, то, собственно—это „вычерчивается“ храмъ. Вотъ мысль „субботы“:—это незримые для чужихъ и понятные только самимъ евреямъ „храмины“, „куши“, „скинии“ около каждой семьи, рода, родственниковъ, „получающихъ ѣду съ одного стола“. Евреи не имѣютъ „храмовъ“, но они имѣютъ „субботы“. И въ самомъ дѣлѣ: „иббуръ“—это дворъ „храма“, за черту коего нельзя выйти, не прервавъ „празднованія“, т. е. не разрушивъ „храма“, „ограниченная область“, „дворъ“ съ фиктивнымъ главою и „хлѣбами предложенія“, которые хотя бы фиктивно, но соединяютъ жильцовъ отдѣльныхъ квартиръ непремѣнно „въ одну семью“,—есть въ этомъ храмѣ „святилище“: за его черту нельзя ничего „вынести“, въ нее нельзя ничего „внести“, ибо тутъ—все Богово, какъ внѣ ея, въ „мирѣ“—все „не“-Богово. Но была еще въ храмѣ Соломоновомъ и въ Моисеевой скинии „субботняя“, радостная, высокая и свѣтлѣйшая часть: это—„Святое святыхъ“. Что ей соответствуетъ въ „построяемомъ“ до нынѣ храмѣ, въ еженеѣльной субботѣ евреевъ? Отворимъ дверь, переступимъ черезъ порогъ; съюзимся въ „субботѣ“ отъ „иббура“, отъ „двора“—къ тѣснѣйшему и внутреннѣйшему сосредоточенію: мы—въ „семьѣ“. Вотъ передъ нами Авра-амъ, еще вчера Аврамъ; около него Сар-ра, выросшая изъ пятничной Сары; и около нихъ—„свѣтильникъ“: это дѣти, живыя „миндалинки“, отвѣчающія огнистымъ миндалинкамъ древняго храма.

„По мысли раввиновъ“,—заканчиваетъ г. Переферковичъ,—„суббота“ представляетъ совершенно особый, идеальный міръ, имѣющей очень мало общаго съ міромъ будничной суеты. Въ субботнемъ мірѣ для еврея существуютъ лишь самые необходимые предметы, какъ напр. пища, одежда, безъ которыхъ жизнь въ этотъ день не мыслима и которые были заготовлены специально для этого дня. Эти предметы составляютъ „муханъ“—заготовленное. Все остальное, что не можетъ пригодиться въ субботу, лежитъ внѣ субботняго міра и составляетъ „мукаџ“—выдѣленное. Предметы, которыхъ не было при наступленіи субботы (напр. яйцо, снесенное въ самую субботу), лежатъ также внѣ субботняго міра: они—„ноладъ“, родившееся послѣ. Всѣ не субботніе предметы запрещено брать въ руки или употреблять въ пищу въ субботній день“ (стр. 122—124).

Вотъ поразительный праздникъ, такъ не похожій на наши! Мысль его—разобращеніе съ міромъ, отдѣленность отъ земли, нѣкоторая „духовная“, сливающаяся съ „плотскою“, „высота“: „нельзя брать въ руки“ „не субботняго“, нельзя выходить изъ дома за границу этихъ послѣднихъ „техумовъ“, нельзя ничего мірскаго и внѣшняго переносить во внутреннѣйшую, интимнѣй-

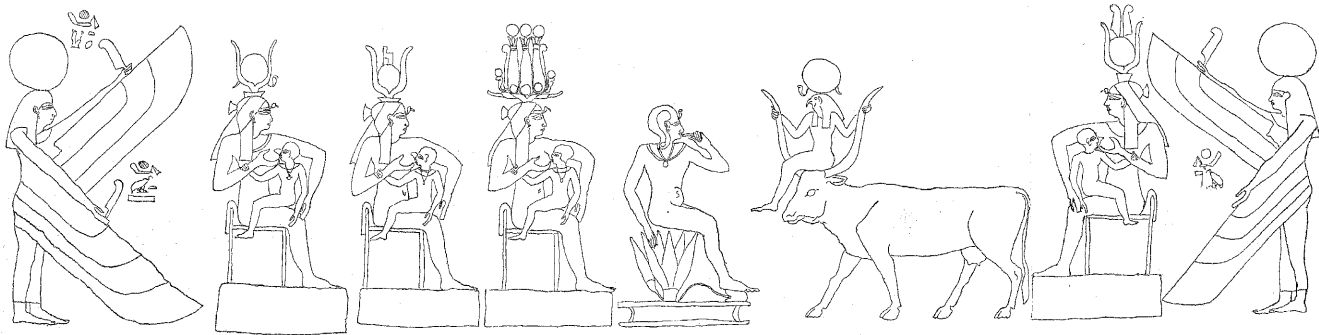

Рис. 24. Египетское материнство, охраняемое, сберегаемое и согреваемое ангелами.

Ни одной нбтъ и не было цивилизации, которая дала-бы такую картину и мысль такой картины. Т. е. изъ сокровъ которой соотчалось-бы и вышло къ свѣту подобное изображеніе. И ничего другого не надо видѣть, чтобы понять, чѣмъ былъ Египетъ и для чего онъ жилъ. Для чего Богъ „возавалъ его въ исторію“.—Ваятъ рисунокъ изъ храма въ Ерментѣ,—большая комната, архитравъ (Lepsius: „Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen“, Berlin. 1849—1858).

шую часть „мірового квадрата“. — „Тамъ на верху есть комната; — однако никакого кўмира нѣтъ; проведи ночь тамъ никому постороннему не дозволяется, за исключеніемъ...“ (Геродотъ, I кн., гл. 181) — „за исключеніемъ чистыхъ, какъ жертвы, дѣтей“ разсмѣявшейся подъ дубомъ Мамврійскимъ Сар-ры и „отца множества“. — „Не смѣйся“, сказалъ ей Господь: „черезъ годъ въ этотъ день Я буду у тебя — и будетъ у тебя сынъ“ (Бытіе, 15).

Такъ отъ субботы къ субботѣ ритмируетъ этотъ народъ, высвѣчивающійся изнутри, когда мы ищемъ освѣщенія съ боковъ, сверху, снизу. Неугасимый народъ. Онъ догадался о святомъ въ брызгѣ бытія, — тамъ именно, куда мы въ понятіяхъ своихъ отнесли грѣхъ. Мы изъ „грѣха“ замѣшиваемся, — и ищемъ потомъ, позднѣе, вокругъ помощи, опоръ, костылей для тягостнаго въ природѣ своей и родникѣ существованія. Ему „вѣтерокъ“, „высота“ сообщаетъ воздушность созерцаній: „благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ“. Онъ не имѣетъ для себя центровъ внѣшняго сплоченія, — иначе какъ принужденно, иначе какъ защищаясь. Центръ его сплоченности — суббота, „нѣкоторое идеальное мѣсто“. Таинственная ночь, передъ наступленіемъ которой зажигается свѣтильникъ. „И сдѣлай свѣтильникъ изъ золота чистаго... Стебель его, вѣтви его, чашечки его, яблоки его и цвѣты его должны выходить изъ него. Три чашечки — на подобіе миндальнаго цвѣтка: а на стеблѣ четыре чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка съ яблоками и цвѣтами: все сдѣлай, какъ Я показалъ тебѣ на горѣ“ (Исходъ, гл. 25).

Почти странствующій, кочевой народъ доселѣ и всегда; какая-то толпа выкликающихъ „пророковъ“ или „тихихъ и безпечныхъ ремесленниковъ“, какихъ еще въ Финикіи увидѣли и описали пять соглядатаевъ: но послѣ какой борьбы, какого сопротивленія, въ потокахъ самой горячей и свѣже-бѣгущей крови они срывались съ мѣста своего, казалось бы, „странствованія“... Римъ разлагался изнутри; Греція изнутри же умерла. „Стѣны города дрожатъ отъ тарановъ, а вы, граждане, сидите въ циркѣ и забавляетесь ристаніями“, — обращался въ эпоху паденія къ „своимъ“ Сальвианъ (кажется). Какое расслабленіе: это — трупъ, который безсиленъ поднять руку, чтобы отогнать обнюхивающую его собаку. Но какъ трудно было Александру Македонскому сорвать „блистающій въ цвѣтныхъ огняхъ“ Тиръ съ его „высоты“. Какая кошачья цѣпкость существованія. Такъ съ „высоты“ же былъ сорванъ Сіонъ Титомъ. Узенькая полоска по „илистому“, „влажному“, „небесному“ (Гомеръ) Нилу была послѣ 4.000 лѣтъ неутомленнаго существованія едва покорена Камбизомъ, обладателемъ всей передней Азіи. Вездѣ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, — внѣшнее разрушеніе, „зарѣзанность“ на „дорогѣ“...

Но и послѣ Камбиза „Мицраимъ“ живетъ еще роскошною культурною жизнью. „Благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ“. Какъ этотъ особенный и специальный свѣтъ „субботъ“ и „миндалинокъ“ — цѣпокъ въ бытіи, упоренъ въ сопротивленіи, жгучъ и какъ бы переполненъ кровью въ секунду гибели,

подъ разрѣзающимъ его ножомъ! Какъ глубоко „корни“ этихъ племенъ ушли въ „мать-землю“. И какіе памятники — въ словѣ (Библия) или камнѣ (пирамиды)! Пуняне (Карфагенъ) едва сами не погубили Римъ: „Hannibal ante portam“... Но и въ самый послѣдній мигъ, извнѣ „срываема“, эти племена обрѣзанія не несутъ, типичнаго въ арійской смерти, разложенія и трупнаго запаха: никакихъ морщинъ старости, утомленныхъ мускуловъ; ни — Weltschmerz'a, „мировой скорби“, ни — „соціальной анархіи“. Жизнетворцы „по вѣчнымъ, великимъ законамъ“, они въ самомъ нервѣ бытія исключили идею смерти, — „не принимаютъ идеи небытія“, какъ выразился въ „Федонѣ“ Платонъ о безсмертіи души. Напротивъ, у арійцевъ внесено „жало“ отрицанія въ самый родникъ бытія, и это „жалящее отрицаніе“ пульсируетъ въ ихъ жилахъ. Арійцы живутъ въ смерть и поклонились гробу.

Мы до сихъ поръ вращались въ подробностяхъ ритуала, остановимся же еще на одной и яркой чертѣ его. Евреи, еще отъ временъ Товита, т. е. живой Ниневии, прикоснувшись даже по необходимости или нечаянно къ трупу — не смѣли до „завтра“ войти въ „святой“ домъ, мѣсто „бытія“, „утвержденія“, снованій жизненнаго челнока. И по-сейчасъ они кидаютъ тѣла умершей жены, матери, брата, въ какую-то почти яму, безъ обряда, слезъ, безъ уваженія, съ отвращеніемъ и религіозной брезгливостью. Трупъ для нихъ — „отецъ отцовъ нечистоты“. Какой ужасъ въ этомъ отношеніи — для насъ; но подъ отвратительнымъ обычаемъ — какая глубина мысли, яркость ощущенія жизни, и раздѣлительной линіи, проходящей между нею и смертью. Мы лобызаемъ покойниковъ съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ живыхъ; мы немножко имъ „поклоняемся“, — и какая красота у насъ погребальнаго обряда! Но какое же чувство подъ этимъ? не утрата ли въ самомъ ощущеніи нашемъ разграничительной между смертью и жизнью линіи? не находженіе ли наше въ области смерти, какъ бы еще при жизни? и, какъ выразился бы Платонъ, — не то ли это значить, не то ли символизируетъ, что мы „приняли идею небытія въ самое бытіе свое“?

И это „жало смерти“, „идея небытія“ пульсируетъ въ нашей крови.

Рис. 25. Мѣдная монета гор. Библоса, съ которой взятъ (стр. 58) образецъ финнійскаго храма.

Подробности и частности.

Какъ произошли „египетскія“ и другія „древнія таинства?“

Теперь, когда я издаю эту книгу, — когда пробѣжали въ головѣ всѣ мысли „Изъ сѣдой древности“, — то, бродя съ корректурами въ типографію, все приставляю палецъ къ носу и спрашиваю себя:

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ могъ существовать въ наукѣ вопросъ, — въ исторіи вопросъ, въ богословіи вопросъ, въ археологии вопросъ, въ греческой литературѣ вопросъ, въ новомъ обществѣ тоже вопросъ, — о томъ, „въ чемъ же состояли египетскія, малоазійскія, элевзинскія, самоеракійскія, критскія и другія таинства?“ Т.-е. неужели существовалъ умъ и умы, которымъ не было извѣстно, что если „заключеніе брака“ есть пиръ и праздникъ, всѣмъ открытый, ибо это только „предисловіе“, а не „книга“, — то самое осуществленіе его, однако, „отъ всѣхъ закрыто“, „ни одинъ человѣкъ, кромѣ участвующихъ, туда не пропускается“, и „никогда и никому объ этомъ не рассказываетъ?“ И, словомъ, что это „осуществленіе“ несетъ въ себѣ всѣ до единой, всѣ до крупинки, всѣ до „йоточки“ черты, о которыхъ согласно свидѣтельствуетъ древность: „египетскихъ и малоазійскихъ и прочихъ таинствъ никто не видѣлъ, никто о нихъ не рассказываетъ, и о нихъ запрещено говорить“, и т. д.

Какимъ образомъ можно было писать томы и статьи? И, — какъ этотъ совершенно сдѣланный изъ кудели Лобекъ, — говорить въ заключеніе двухъ-томнаго громаднаго труда, гдѣ „собраны во едино свидѣтельства всей древности“, — что „въ элевзинскихъ таинствахъ ничего особеннаго, повидимому, не происходило“, или, по крайней мѣрѣ, „ничего нельзя узнать о происходившемъ“. Наконецъ, въ болѣе новыхъ трудахъ, которые пишутся уже современными намъ учеными, высказываются предположенія и почти даже утвержденія, что „навѣрное таинства были мѣстомъ схождения заговорщиковъ, гдѣ обдумывались планы сверженія такого-то ига или такой-то гегемоніи“. Я самъ это читалъ своими глазами, и протираю глаза отъ изумленія:

— „Неужели это въ самомъ дѣлѣ напечатано?“

Какъ есть „метафизика“, которая слѣдуетъ „послѣ всѣхъ наукъ“ и доискивается того, что въ нихъ трактуется лишь съ внѣшней стороны, — такъ когда-нибудь въ отношеніи „наукъ“ и „научныхъ вопросовъ“ будетъ построена „заключительная глава“: „какимъ образомъ въ очень многихъ случаяхъ ученымъ приходили на умъ вопросы столь наивные, что они не могли бы войти въ голову никакого обыкновеннаго человѣка?“ Потому-что взглянувъ только на серію этихъ „удвоенныхъ божествъ“, — „мужского около женскаго“, — что повторяется во всѣхъ безъ исключенія древнихъ религіяхъ, — „Зевесъ и Гера“, „Ваалъ и Астарта“, „Озирисъ и Изиды“, „Адонисъ и Кибела“ и т. д.

Рис. 26. Примѣръ восточныхъ божествъ. Оиванская эннеада, гдѣ около мужского божества рядомъ сидитъ соответственное женское. „Гдѣ не двое — нѣтъ жизни“. Соответственно имъ располагались и люди на землѣ.

и т. д., и т. п. и т. п., — и имена въ сущности даже не интересны, — какъ можно было не видѣть съ ясностью „пальца передъ глазами“, что эти всѣ „религіи“ суть не то „семейныя“, не то „брачныя“, а во всякомъ случаѣ и безусловно — „муже-женскія“ и слѣд. „половыя“: а „признакъ пола“, первый — не показывается, скрывается, затѣняется, избѣгать именъ, словъ, названій, — и избѣгать этого съ какой-то „свирѣпостью“ и „наказаніемъ за раскрытіе“... Всѣ, точь-въ-точь, признаки „тайнствъ“. И если бы даже у лѣтописцевъ и историковъ, по причинѣ какой-нибудь исторической или библиотечной катастрофы, не сохранилось ни единого упоминанія, что „въ древности были тайнства“, то мы, только взглянувъ на устроеніе халдейскаго храма, „съ комнаткою наверху“, и на устроеніе финикійскаго храма, съ „мужскимъ фетишемъ“ внутри его, сказали бы: „въ этихъ религіяхъ несомнѣнно существовали тайнства“, и даже: — „вотъ, приблизительно, въ чемъ эти тайнства состояли“... Все это понятно рѣшительно всѣмъ, кромѣ ученыхъ; все это требуетъ умозаключенія до того короткаго, что оно не приходитъ на умъ одному ученымъ. Старецъ Лобекъ его не зналъ; но 14-лѣтняя Джульета, конечно, знала.

„Конечно, — тайнства!!! Развѣ можно же наружу?“ — „На улицѣ, открыто?!“ — И она, дѣвочка, ударила бы по щекамъ каждого, кто промямлилъ бы: „а почему же и не открыто?“

Этотъ „ударъ Джульеты“ пусть вынесутъ ученые. Позоръ, позоръ, позоръ. Я держу себя за носъ и спрашиваю: „неужели этотъ позоръ былъ?“ „Неужели объ Элевзиніяхъ и Египтѣ спрашивали, гадали? Неужели были ко-

лебанія, сомнѣнія?“ — „Размышляли, искали документов?“ (И, конечно, ни одного не нашли). Рѣшительно объ этомъ нигдѣ и ни въ одной литературѣ ни слова нѣтъ, ибо это въ самомъ естествѣ вещей есть тайна, нѣчто „не само-показывающееся“: но рѣшительно всѣ объ этомъ знаютъ, всѣ и каждый, до дѣтей почти, кромѣ однихъ ученыхъ.

„Въ семейномъ дому есть нѣчто главное, чего увидѣть никому не дано“... „Это — не дурное и худое: но увидѣть — не дано“. Само-закрывающаяся вещь. Отъ созданія міра сокровенная; сокровенная „въ самой себѣ“, безъ приказыванія, безъ понужденія. Какіе все признаки „тайнствъ!“ И — что о нихъ „никогда никто не говорилъ“. „Никогда и никто“: неужели по этому одному нельзя было узнать о вещи, о которой и до нашего времени — „никогда и никто не проговаривается“, и даже ученые сами тоже — „никогда и никому“ (о себѣ). Но въдь ихъ и не просили „размазывать“, достаточно было сказать: „мы, однако, знаемъ, — что“. Но они, именно, говорили: „не знаемъ“, и прибавляли: „невозможно узнать“.

Въ преданіи объ Астіагѣ, царѣ Мидійскомъ, разсказывается, что „однажды ему приснился сонъ, будто изъ чрева его дочери выросло дерево, которое вѣтвями своими покрыло всю Азію“. Какой характерный восточный сонъ. Мнѣ же брежжится въ самомъ началѣ труда, что изъ какой-то мертвой головы выросло сухое дерево, безлиственное, не зеленѣющее, — и колючками и терніями залѣзло въ головы безчисленныхъ ученыхъ: и закрыло отъ нихъ прямые, прямо стоящіе передъ глазами, памятники вѣры, молитвы, гдѣ народы „сами написали о себѣ“, „сами изобразили въ рисункахъ“:

- чему они молились...
- чему поклонялись...
- приносили жертвы...
- построили храмы...

и положили на ладонь ученыхъ. Но они, вмѣсто того, чтобы просто описать это, — стали придумывать самыя необыкновенныя и странныя гипотезы.

Джюльета опять приходитъ на умъ... Неужели это не иллюстрація „методовъ?“ Оспоримо-ли для кого-нибудь, кто видалъ подлинныя „открытыя“ статуи Озириса, и видалъ рисунки „поклоненія этимъ статуямъ“, — въ чемъ заключалась подлинная религія Египта? Искали „Отца“... бродили мыслью около „отцовства и материнства“. Да объ этомъ говорить не „Азъ“ памятниковъ религіозныхъ Египта, Финикіи, Сиріи, евреевъ, а говорятъ, кричатъ, взываютъ рѣшительно „всѣ буквы алфавита“... Рождалась — отъ Нила до Греціи, — колоссальная религія „отчества-материнства“, — и, слѣдовательно, „сотворенія міра, сотворенія бытія“... Бродили около „загадки жизни“, и какъ не написать — „около Загадки и Тайны жизни“... Въ „мистеріяхъ“, конечно, все это было: и въ „мистеріяхъ“ отчасти показывали, отчасти — излагали. „Семейный

домъ “ — но цѣлаго Мира: тутъ, конечно, войдутъ и животныя (Египетъ). Какъ все понятно... Войдетъ ли сюда Солнце? Станный вопросъ, когда „отъ него по веснѣ родятся травы“... Таинства? — О, „таинствъ“ будетъ слишкомъ много: больше, чѣмъ „въ нашемъ семейномъ дому“, потому-что вѣдь „рождается“ — то чудище-миръ, такой огромный, неизъяснимый, великолѣпный. Какъ все ясно! На ладони! Чего искать? Вещь передъ глазами. „Сложеніе религій“ совершенно очевидно въ колоссальныхъ очертаніяхъ своихъ; именно — очевидно какъ „тема и поиски“, какъ „сюжетъ“ и только „безъ подробностей“... И всему этому научаетъ простая улыбка Джульеты, — и небольшая „розга для ученыхъ“, которые, сами себѣ завязавъ глаза, „ищутъ и никакъ не могутъ найти“...

Рис. 27.

Рисун., повторяющій собою данный на стр. 31. Лицо Изиды.

Рис. 28.

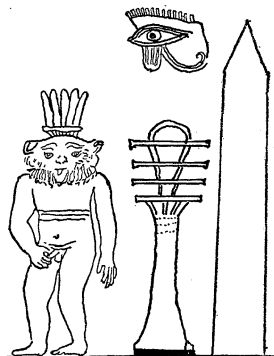

Рис. 29. Ерментъ. Изъ „Denkmäler“ Lepsius'a, vol. V, листъ 97. Чрезвычайно рѣдкое сочетаніе съ глазомъ и съ обелискомъ мужской фигуры, носящей имя „Бесса“. Сама фигура очень часта.

Рис. 30. Повсемѣстно въ египетскихъ храмахъ. Почти нѣтъ листа ученыхъ экспедицій, гдѣ не находилось-бы одного или нѣсколькихъ подобныхъ изображеній.

Рис. 31. Бронзовая монета города Ольвии, III — IV вѣка до Р. Хр. Монеты съ этимъ изображеніемъ чеканились почти во всѣхъ городахъ древней Греціи. Рисунокъ на нихъ обозначается въ нумизматикѣ: „la masque imberb de face avec la langue tirée“, и не имѣетъ никакого объясненія.

Рис. 32.

„Афродита Книдская“ ¹⁾ и египтянка.

Ну, что такое это —

Красота безъ биографіи.

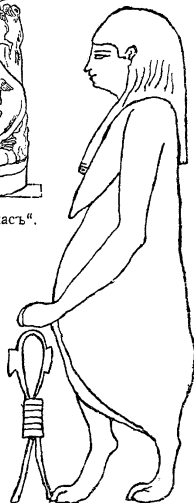

Красота безъ будущаго.

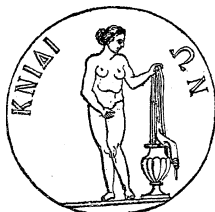

Красота на „сейчасъ“.

передъ этимъ:

Будущее.

Красота, въ которой вообще нѣтъ содержанія.

Купающаяся или не купающаяся, въ „раковинѣ“ или „изъ пѣны водъ“, — она равно эмпирична. И чтобы только „посмотрѣть“ художнику - порнографу.

Красота? Самая малая вещь. Она придетъ „потомъ“ и „сама собой“. Кто молится какъ мать — она всегда къ той придетъ.

¹⁾ Къ рисункамъ 33, 34, 35 и 36. Прототипомъ для всѣхъ музейныхъ „Афродитъ“ была Афродита Книдская, изваянная Праксидемъ и воспроизводимая часто на монетахъ города Книда (Карія, въ Малой Азіи).

Первая молитва на землѣ.

Вотъ кто первый помолится — это Мать. Когда она испугалась за своего заболѣвшаго ребенка. Тогда она подняла руки кверху и сказала: „Ахъ“!

(Повсюду въ египетскихъ храмахъ (увеличено мною въ 4 раза).

И прибавила: — „Помоги!“... — „Помогите!“...

Кто — звѣзды, небо? Откуда солнце и свѣтъ? Откуда жизнь?.. Да, безъ солнца нѣтъ жизни. И она сказала: — „Солнышко, помоги! Солнышко, исцѣли!“

Судьба-ли темная? „Молюсь и Судьбѣ“. „Не знаю, кому“... „Кто сможетъ, тотъ и спаси“.

На утро встало Солнышко, обогрѣло малютку и ему стало лучше.

„Вотъ видите“, радовалась мать сосѣдямъ.

Сосѣди передали другимъ. Старики оцѣнили, поняли и изобразили здѣсь и еще во множествѣ такихъ-же барельефовъ Египта родначальницу любви, надежды и вѣры — мать.

Къ этому потомъ стали прибавлять. Размышлять и прибавлять. Вышла религія. Но „Азъ“ ея, молитву, сказала мать, поднявшая руки къ небу надъ заболѣвшимъ ребенкомъ.

* * *

Это было такъ давно и рано, когда не было еще пророковъ, законодателей и никакихъ мудрецовъ. И письменности не было, ни буквъ, ни иероглифовъ. И люди только рисовали. Потому и первую на землѣ молитву они просто рисовали, не понимая, „что это“, а только понимая, что это прекрасно и вѣрно. Что „надо подымать руки“, что „хочется, когда боль въ душѣ, поднять руки и что-то прошептать“.

„Отъ начала Египта до покоренія его персами (Камбизомъ) прошло столько времени, сколько прошло времени отъ Троянской войны до Наполеона Бонапарте“. И тогда не было, при первыхъ египтянахъ, даже и дикарей съ ихъ „вещественнымъ фетишизмомъ“. Такъ эта вѣра — не изъ „поклоненія камнямъ“, какъ говорятъ одни ученые, и — не „изъ почитанія у дикарей табу“, какъ другіе говорятъ, и не потому, что кого-то „научили жрецы“, единому Богу или „многимъ богамъ“, а изъ того, что мать сказала „Ахъ“ и подняла руки, когда ребенокъ кричалъ и мучился у нея на рукахъ.

Но „ребенокъ мучился у нея на рукахъ“ — это было такъ давно, такъ рано, — давно и рано, — что еще никого почти не было на землѣ. У... у... у... Еще не разсвѣтало.

Далѣе можно сказать, что у первой матери ребенокъ „мучился животомъ“, и она кричала, бѣгала и кричала. „Ахъ! да помоги-же, Солнышко. Ну, согрѣй животикъ моему малюткѣ“. И поднимала въ лучи. И согрѣвали лучи. И ребенку вправду дѣлалось легче.

Европейцы-же оскопители, будучи дикарями въ религіи, стали разъяснять, что „религію выдумали жрецы“. Не сообразивъ даже того, что вѣдь раньше, чѣмъ появились жрецы, должна была возникнуть религія, коей они были „жрецами“. Итакъ, религія раньше священника. Религія раньше и богословія, которое размышляетъ „надъ религіей“, и, значитъ, она уже была.

Откуда-же она? — Нѣтъ, отъ кого? Рисунокъ разъяснилъ, освѣтилъ:

— Отъ Матери, ищущей Помощи.

Какъ произошло изображеніе Изиды.

Могло-бы вѣдь быть и такъ, какъ у коровы.

Могло-бы быть и такъ, какъ у собаки.

„Захватилъ губами и пей молоко“.

Пьютъ-же лошади воду. И могло-бы у женщины такъ.

Но тутъ сотворенъ какой-то острый уголокъ.

Тутъ есть мысль:

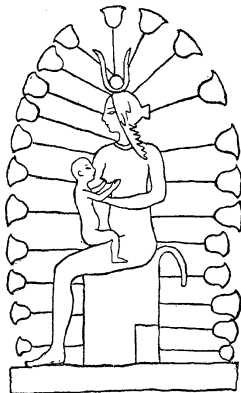
„Ничего прекраснѣе женщины, кормящей грудью младенца своего, не будетъ“.

Богъ сказалъ.

И люди сказали:

— Да.

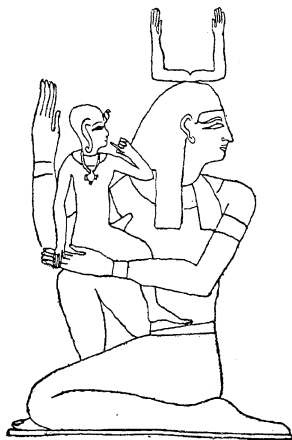
Такъ вышло изображеніе Изиды¹⁾.

¹⁾ Египтяне суть народъ, по-истинѣ гениальный равно въ религіи, въ морали и художествѣ. Они не только не взяли въ основу религіи какое-нибудь отвлеченное понятіе, напр.: „творецъ міра“, „богъ“, „духъ“ и т. д.; или — „предки“, „дѣды“, „родоначальники“, или же — „первые герои“ и „цари“; а — взяли осязательнѣйшее и передъ лицомъ каждаго лежащее, — отца, обобщенно и у всѣхъ людей — „наши живые отцы“, „наши живыя матери“. Но именно — живые и сущіе, не „покойники“, не „давно“ и „прежде“, какъ соскользнули всѣ народы сюда, къ „забытому“, „не ясному“ и „археологическому“. Это имѣло чрезвычайныя послѣдствія, сотворивъ необыкновенную свѣжесть, живость и мощь ихъ религіи. „Естественно каждому больше всего на свѣтѣ любить свою мать“; и вотъ передъ каждымъ египтяниномъ мерцала мысль: „моя мать кажется есть Изиди... Тутъ „религія“ и „быть“, „небесное“ и „мое“ такъ слилось, что „коровки полѣзали мордочками въ избу“, а „небо спустилось къ намъ въ домъ“. Но и въ самой матери и материнствѣ что именно взять? Можно было бы взять „заботу“, „хозяйство“, „попеченіе о дѣтяхъ“. Египтяне, и только они одни во всемирной исторіи, среди всѣхъ цивилизацій Востока, взяли — какъ я указываю — для изображенія Изиды самый острый, страстный и нѣжашій „уголокъ материнства“ — кормленіе грудью младенца. Кромѣ ихъ ни одинъ народъ этого не сдѣлалъ; и хотя мнѣ

Какъ стали поклоняться Изидѣ.

Изъ этого —

и вышло вотъ это:

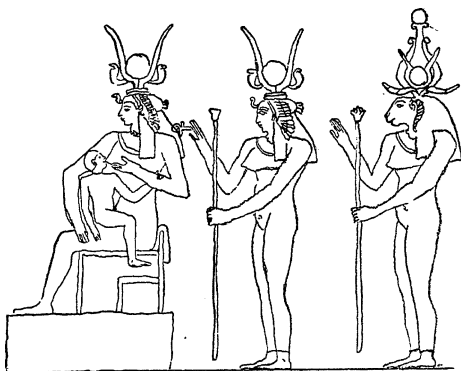

Рис. 41.

разъ это попало на халдейскомъ рисункѣ, но только разъ: и въ Халдеѣ оно почему-то не удержалось. Почему не удержалось? Не нашлось вкуса и пониманія. Египтяне одни ухватили, что это — центръ и суть. И самѣй „кормящей матери“, какъ и младенцу, они придали видъ исключительной нѣжности и глу-

Очень просто.

Потому-что человекъ благороденъ. И кто самъ молится, тому украдкой стоя за спиною кто-нибудь незамѣтно и безмолвно тоже помолится.

Такъ произошли „святыя“ и „боги“ и „богини“ на землѣ.

Множьте, люди, молитвы,—множьте, люди, молитвы,—множьте, люди, молитвы. Молитвою земля грѣбется, отъ молитвы солнышко горитъ.

Какъ на землѣ не останется ни одного уже молящагося, такъ солнце погаснетъ. Зачѣмъ ему свѣтить?

Сцена изображаетъ собственно другое. Она изображаетъ „створеніе человекъ“: видите, на лѣво, стоятъ „створенные изъ красной глины“ первые

бины: сосокъ — уже во рту младенца, и самъ онъ положилъ младенческую ручку на большую руку матери. Слѣдовало бы написать особая диссертациі и собрать въ нихъ всю, — говоря терминами археологій, — „иконографію Изиды“, т. е. всѣ варианты ея представленія, изображенія и воображенія о ней какъ у народа, такъ и у жрецовъ. Можно сказать, нахожденіемъ „изображенія Изиды“ египтяне также много оказали услугъ всемирной цивилизаціи, какъ и созданіемъ ея понятія и сути. Нужно удивляться непониманію всемирному, какимъ образомъ молодая матери, всегда такъ счастливыя „кормить своего ребенка“, хотя-бы для домашняго и уединеннаго наслажденія и для памятованія дѣтей своихъ — не снимаются на картинахъ и въ фотографіяхъ въ минуты „кормленія ребенка“, что гораздо интереснѣ картинъ и фотографій „со шлейфомъ“. Но съ привычки и инициативы такихъ домашнихъ изображеній пойдетъ другая пора дѣйствительности и исторіи. Ну-те ка, матери...

мужъ и жена. На право — „дальше люди“. Но нарисовавшій картину безспорно имѣлъ и мою мысль: „Черная мать-сыра-земля“ подняла руки, подняла, подняла... И держитъ на ладоняхъ черныхъ, земляныхъ — двухъ человѣчковъ, которые „протягиваютъ руки къ Солнцу“:

— Согрѣй!

— Освѣти!

— Накорми!

И солнышко радуется. Солнышко всегда радуется, когда люди молятся ¹⁾.

Афродизіанская красота.

Въ искусство не вовлечешь того, чего нѣтъ въ жизни. Искусство истинно даже и тогда, когда оно лжетъ. Это искусство „ложныхъ образовъ“ — по крайней мѣрѣ относительно женщины — дала намъ Греція. Это ея знаменитая „афродизіанская красота“, наполняющая наши музеи.

По такосству и дѣлу, это была странная безсемейная цивилизація. И она была таковою уже съ эпическихъ временъ Троянской войны, разыгравшейся изъ-за жены, бѣжавшей изъ дома мужа. Не что-то „основное“, не то, „на чемъ землѣ стоять“, взято въ центръ великихъ пѣсенъ. Великія пѣсни Гомера пропѣты о женщинѣ, о которой мы не знаемъ, „гдѣ-же у нея душа“.

У египтянъ это „зерно ихъ вѣры“ отозвѣсилось чудеснымъ образомъ на сложеніи всей цивилизаціи: все отсюда и послѣ этого пошло въ нѣжность, деликатность, кротость. Ни жестокихъ войнъ, ни грубыхъ нравовъ не могло уже образоваться. Зрѣлище прекраснаго, — даже прекраснѣйшаго въ мірѣ, — „умягчило злыя души“, когда онѣ и рождались.

¹⁾ Если, съ одной стороны, поставить передъ собою всѣ греческія скульптуры, и всѣ рисунки, съ вазъ, съ саркофаговъ. — и съ другой это египетское изображеніе „солнца, земли, людей и молитвы“, то мы разомъ и моментально поймемъ, чего-же грекамъ „не хватало“? и даже — отчего Греція „такъ скоро прожила жизнь?“ Въ рисункѣ все сказано: безконечность содержанія — у египтянъ, короткое содержаніе — у грековъ. Греки могли сказать „ахъ“, — воскликнуть Афродитю, Гераклѣму, Ниобею. Но что же дальше „ахъ“? Увы, греки молчали. Не было содержанія. Мы только пишемъ реторику около ихъ искусства и даже около портретныхъ ихъ изображеній, не видя того, что прямо передъ глазами: что портреты ихъ удивительно монотонны, вялы, и — не „говорятъ“, безъ мысли и безъ содержанія. Напротивъ, взглянувъ вотъ на эту „молитву, землю и солнце“, — мы слышимъ нескончаемый гулъ голосовъ подъ землей, слышимъ говоръ народа и народовъ, стенанія, мольбы, тоску, скорбь и широкую бытовую жизнь. А между тѣмъ дана — схема. Но „схема“ — то какъ-то — „изъ жизни“ и „пронизана жизнью“. Посему „простой монотонный очеркъ въ краскахъ“, безъ тѣней и перспективъ, заставляетъ сжиматься и тосковать сердце. „Земля подняла изъ себя людей къ солнцу“: о, какая это безконечная мысль, какія дали, — даже и до Кампанеллы, даже и до Руссо... Во-истину, египтяне были до христіанъ христіанами. Чтѣ-то такое есть...

Но снова вопросъ: почему-же, почему греки этого не нарисовали? Такіе „изобрѣтательные“ и „универсальные“. Вѣдь у нихъ была-же „Деметра“? Да: это или „круглое лицо женщины“, выражающее „круглый видимый горизонтъ земли“, или — „Деметра ѣдетъ на колесницѣ, запряженной драконами, и съѣтъ зерна“, и еще послѣднее — „она съ красивою (все „хорошенькія“) головою, украшенною хлѣбными колосьями“. Зерно? посѣвъ? Кусокъ круглый земли, и внѣ связи съ этимъ — драконы — какъ это бѣдно и мало! Кто не скажетъ, что бѣдно? А эта тоскующая о себѣ земля, черная земля, и черныя рабочія руки, поднявшія черныхъ рабочихъ людей къ небу, съ шопотомъ: „молитесь, молитесь, молитесь“ — о, какъ это чудно, возвышенно, сложно!

Но и позднѣе, далѣе — мы видимъ тоже. Семья была въ Греціи „на заднемъ дворѣ“ а на передній фасъ были выдвинуты гетеры. И вотъ это общее положеніе вещей, „ткань самой цивилизаціи“, уже нельзя было измѣнить и поправить, перейдя къ мраморному, золотому и бронзовому „изваянію жизни“.

„Ложь жизни“ перешла въ „ложь искусства“.

Греческое искусство есть „для поглядѣнья“ искусство, а не для того, чтобы „съ нимъ — жить“. Напримѣръ, нѣтъ и нельзя представить себѣ „Афродиту“, съ которою „провель-бы долгій вечеръ“ въ „задумчивой бесѣдѣ“. Самое сочетаніе словъ „Афродита“ и „бесѣда“ — вызываетъ улыбку. Афродита ясно „для выставки“, а не „для дома“. И это рѣшаетъ все.

„Я ее не люблю“.

А это кончаетъ и женщину. Страшный глаголь, но его приходится говорить: всѣ Афродиты — не женщины. Странно, страшно, но — такъ.

„Она не сладка мнѣ“.

Она вѣчно „постыла“. Какъ этотъ вѣчно остынувшій, холодный мраморъ.

— Мнѣ не нравится.

— Что-же вамъ нравится?

— Біографія, судьба. „Высочивъ изъ пѣны волнъ“, Афродиты будто застыли и не „пѣ“, ни „мѣ“. Безгласны. Господи, какой ужасъ: женщина безъ языка, безъ голоса. Но вѣдь мы тайнымъ образомъ всѣ чувствуемъ, что „Афродиты“ дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ всѣ „безъ голоса“. Эстеты, юные и старые, осматриваютъ ихъ спереди, осматриваютъ ихъ сзади, осматриваютъ даже съ боковъ, и, наконецъ, „проводятъ пальцемъ“ по рукѣ, по ногѣ; какъ помню во Флоренціи я самъ сдѣлалъ, взявъ въ свои три пальца мизинецъ „Афродиты Медицейской“. Да, этотъ холодъ „выточенъ изумительно“. „Выточенъ“, а не „живетъ“. Какъ мало для человѣка. Мало даже для петербуржца.

Почему-же эстеты „разглядываютъ ихъ такъ и этакъ“? Увы, по печальной и страшной вещи: что „богини“ имъ „сами показываютъ“ въ себѣ тó бедра, тó шею, и особенно „поворотъ головы“...

„Поворотъ головы“?.. Какъ страшно. Если-бы кто-нибудь меня спросилъ: „какой поворотъ головы у вашей жены?“ — я-бы ничего не понялъ въ вопросѣ. Но если-бы другой спросилъ это о моей сестрѣ, цѣломудренной и чистой дѣвушкѣ, я-бы ударилъ его по лицу, сказавъ: „моя сестра не лошадь, а человекъ“. „Спрашивайте иначе и о другомъ. А лучше всего ничего не спрашивайте: по вопросу я вижу, что вы тупой человекъ“.

Страшнымъ и страннымъ образомъ „греческая красота“ есть вся „тупая красота“, притупленная: потому-что и отвѣчаетъ-то она на тупые вопросы эстетовъ и ученыхъ, а не людей съ молитвой, съ жизнью и корнемъ. „Не коренная красота“. Да почему?! Увы, на ней не лежитъ физиологизма. Всѣ поднимуть на меня камни, но я отвѣчу холоднымъ: „все-таки самое-то кра-

сивое — вѣдь рожденное“. Рожденная женщина, рожденная лошадь, рожденная собака. Все вотъ именно живое — одно подлинно и великолѣпно, неизъяснимо, божественно. „Афродиты“ суть именно „не богини“, потому-что онѣ слишкомъ ужъ „изъ мрамора“.

Между тѣмъ, это доступно и кисти и мрамору: передать „со слезинкой въ глазу“. Но это грекамъ въ голову не приходило. Вы скажете: „это — уже романтизмъ“. Нѣтъ. Можно передать безъ страданія, безъ „чувствъ“. А поглядѣвшему не захочется „обходить справа и слѣва“, а сѣсть около статуи и поплакать съ нею. И то, что грекамъ это никогда не пришло на умъ, — показываетъ ихъ какую-то глубокую душевную ограниченность. Какую? Не умѣю выразить. Но отвѣчу: — „Не даромъ пришелъ Христосъ“.

Ужъ если для кого особенно пришелъ Христосъ, то для грековъ: — „Дѣти Мои, какъ о многомъ вы не догадались! О многомъ и лучшемъ, о многомъ и еще прекраснѣйшемъ“.

Они выкинули биографію изъ лица, изъ скульптуры. Т. е. выкинули интереснѣйшее, да наконецъ — и красивѣйшее! Всѣ ихъ мраморы пусты. Во-истину пусты. О „богинѣ“, которую можно разсматривать и „справа“, и „слѣва“, можно сказать, что это не только не „богиня“, но и „ниже человѣка“. Потому-что какой же человѣкъ не оскорбился-бы, если-бы его „разсматривали справа и слѣва“. А это и есть показатель всего.

„Греческая красота“ на самомъ дѣлѣ и при глубокомъ анализѣ есть „оскорбительная красота“. Христу во-истину надо было придти, — между прочимъ — для эстетическаго восполненія міра. Для тысячи причинъ еще и притомъ главныхъ, — пусть не сердятся богословы; но, между прочимъ, и для этой маленькой и послѣдней: для восполненія красоты міра.

Такъ Онъ „Единородный“ и „рожденный“ восполнилъ греческую красоту, которая рѣшительно не была „рождена“.

Такъ Онъ эту порочную и преступную („потому-что не рождена“) красоту восполнилъ чѣмъ-то живымъ. Пламеннымъ и горящимъ. Вѣдь въ греческихъ мраморахъ нѣтъ ничего пламеннаго и горящаго, — съ этимъ-то согласятся и эстеты.

Противопоставляя египтянку грекамъ, я хотѣлъ озаглавить: „Греческія Афродиты и египетская работница“. Въ самомъ дѣлѣ, египтяне точно нарочно устранили изъ фигуры всякій уборъ, — между прочимъ уборъ головы, непремѣнный почти безъ исключения на всѣхъ изображеніяхъ; и хотя по „лапамъ львицы“ мы предполагаемъ, что это „богиня“, но указываемъ на то, что египтяне придали ей видъ не „выходящей изъ пѣны волъ“, а видъ скорѣй всего работницы. Проста, пряма, работяща. Много рожала (видъ груди). Въ послѣдующемъ читатель увидитъ, какъ изъ этой „столь физиологической“ красоты, — „слишкомъ физиологической“, „по горлышко“, — вышла изумительная, томи-

тельная для души красота египетскихъ лицъ „съ говоромъ“, — да такихъ, что мы узнаемъ и „контральто“ и „сопрано“. И, между тѣмъ, у египтянъ и египтянокъ передано это одной линіей, простой линіей. „Бѣдные мрамора“, „без- сильные мрамора“. Но что „во-истину рождено“, — то ужъ будетъ прекрасно. А у египтянъ, какъ и показываетъ эта замѣчательная фигура на стр. 79-ой, все было уже „слишкомъ рождено“...

„О, слишкомъ“...

Бѣдные греки. Все-таки хочется о нихъ сказать слово христіанское. Они не умѣли, они не нашли. Какой-то ихъ бѣсъ толкнулъ „все къ формамъ“. И не подсказалъ, заплакавъ, ангелъ: — „А содержание?“

Неоспоримо и извѣчно, что ихъ идеаль „афродизіанской красоты“ дѣй- ствительно повлекъ въ яму не только „вѣчно прекрасный и благородный образъ женщины“ (онъ воистину благороденъ), но — по связи всѣхъ вещей и по господству у грековъ искусства — повлекъ въ яму и цѣлую греческую ци- вилизацію. — „Ибо, чертъ возьми, пересмотрѣвъ сто Афродитъ и еще одну, вновь найденную, — что-же я самъ-то буду дѣлать?“ Роковой вопросъ, надъ которымъ и задохлась Греція. „Что-же намъ дѣлать дальше?“ — спра- шивала Греція, спрашивали греки. Таинственнымъ образомъ, въ Афродитѣ и „афродизіанствѣ“ дѣйствительно не содержится „дальше“, — и это есть ноуменъ ихъ... И грекамъ, а за ними и римлянамъ, — пришлось оборотиться только къ Востоку.

„Умираемъ! Задыхаемся! Всѣ Афродиты похожи одна на другую, только одна немного лучше другой“... „Пересмотрѣли спереди, сзади, сбоку и теперь больше не знаемъ — еще съ чего!“...

„Воздуха! Воздуха!“

Отворилась дверь на Востокъ.

„Немного физиологии. А то очень сухо“....

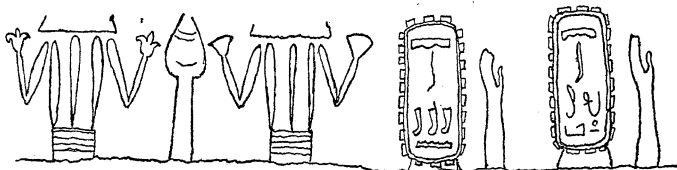

Рис. 43. Примѣръ физиологическо-религіозной живописи. Заимствовано изъ 2-го тома, стр. 129, — „Catalogue des monuments et d'inscriptions de l'Égypte antique. Ed. sous les auspices d'Abbas II, chediv, par la Direction générale du service des antiquités. Вѣна. 1895 г.“

Нужно было вѣкамъ пройти, чтобы одинъ почти „штрихъ перомъ“ до такой степени насытить природою. Явно, мы имѣемъ двѣ фигуры, два бюста

человѣка, — „такъ, набросанные только пунктиромъ, недорисованныя“, — да они и въ самомъ дѣлѣ конечно недорисованы, некончены. Вотъ — голова, одною линією, и до чего странно! Что это „голова“, мы-бы и не поняли, если-бы не явно „двѣ руки человѣческія“, согнутыя въ локтѣ, но представленныя стеблями растенія. А на мѣсто „кистей рукъ“ — цвѣты. Какая-то „раскрытая чашечка“ въ одномъ случаѣ, „колокольчикъ“ — въ другомъ. Египтяне еще не устали и все выдумаютъ, — и въ каждомъ штрихѣ пера у нихъ — новое (это общій методъ, постоянная манера у египтянъ: нѣтъ „стереотипа“). Раздѣлены или вѣрнѣе соединены они — бутономъ. И тутъ — методъ: у египтянъ, гдѣ можно или „идеть“, всегда два, всегда — дружба. И дальше, въ концѣ, какое чудо: точно изъ земли, да и явно изъ земли — протянутыя вверхъ руки, наше „Господи, воззвахъ къ Тебѣ“, сказанное не голосомъ, а жестомъ. Такимъ, однако, вразумительнымъ, что мы черезъ 3.000 лѣтъ читаемъ ясно. Вотъ объяснили-бы историки, почему ни одному римлянину поздней эпохи, читавшему и Плинія, и Тацита, и Ювенала, ни разу не пришло на умъ нарисовать гдѣ-нибудь на стѣнѣ дома, въ Помпеяхъ, на стѣнѣ храма, — этой вещи: чтобы всего „на 2^{1/2} квадратнаго клочкѣ“ мѣста задышали чѣмъ-то единымъ, чѣмъ-то прекраснымъ и религіознымъ, — человѣкъ, ботаника и богословіе! И какъ на ихнее: „мы Бога хвалимъ“, не прошептать — „Хвалите Господа въ вѣка! Хвалите, рабы его“.

Но кто въ таинственномъ сознаніи души не почувствуетъ, что обрисовавшіе такъ „женщину“ (стр. 79), какъ египтяне, — въ концѣ концовъ когда-нибудь нарисуютъ и этотъ рисунокъ? Ибо въ ея „чрезмѣрной физиологіи“ какъ-то пахнетъ и цвѣткомъ, и молитвой. Вѣдь она „труженица“ и „безъ нарядовъ“. Да и съ лица „не очень вышла“. А кто любитъ трудиться, когда-нибудь полюбитъ и молиться. Наоборотъ, между „афродизіанскимъ представленіемъ“ и отсутствіемъ такихъ у грековъ рисунковъ — тоже есть связь. „Ты слишкомъ хороша собой, и будешь-ли думать о цвѣткахъ?“ „Ты такъ хороша и счастлива, что молиться тебѣ и на умъ не придетъ“. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ ужъ кто никогда не помолится: это — Афродита! О, какъ она смертна по этому! — и какъ, поэтому, египтяне долго прожили!

У ноги мужа.

Ну, Афродиты, устыдитесь своей праздности!

Сегодня праздны, завтра праздны, вчера были праздны. Какъ не надоѣло! Посмотрите, египтянка: тутъ ужъ читается библейское: — „Се, раба Господня“... „Вотъ, я раба твоя“.

Какъ Руѳъ сказала Ноемини: „твой законъ будетъ моимъ закономъ, и твоя вѣра будетъ моею вѣрою“. Сказала — по памяти мужа, уже умершаго.

Ибо такъ сотворилъ Богъ женщину. Сотворилъ для любви и вѣрности, для любви и памяти о любви.

„Я отъ тебя имѣла дѣтей: какой вопросъ, что я вѣчно твоя, даже и за гробомъ“.

И вотъ, смотрите: взяла за-ногу. Нѣтъ, держится за ногу. Навертываются слезы: это выше Дамаянти. Такъ плачетъ только наша Ярославна, — „въ Пу-

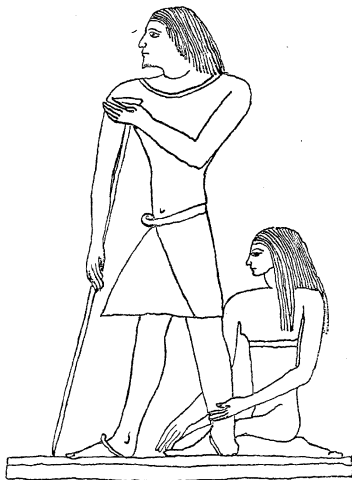

Рис. 44.

тивлѣ“. „Полечу я зигзицею за Днѣпръ. Омочу бѣловый рукавъ въ Днѣпрѣ“. Но оставимъ параллели. Ибо параллели всегда поглощаютъ предметъ и его особенное, единственное лицо.

Какъ она сѣла у колѣнъ. Какъ скромна. Тупой ученый надписалъ: „Un grand seigneur égyptien, Ti, et sa femme“: не замѣчая, что онъ — хромой.

Вѣдь у египтянъ въ нашемъ смыслѣ брака вовсе не существовало. Тамъ была „свободная любовь“: и, по словамъ тѣхъ-же ученыхъ, „дочери знатнѣйшихъ людей свободно отдавались проституціи“, т. е. отдавались „по любви“, — кому и сколько хотѣли (о чемъ ученые не догадываются).

Но онъ — хромой: какъ-же отдаться послѣ него другому? И встряхнувъ волосиками, египтянка сѣла у ногъ его и сказала: „Такъ какъ хромота твоя не пройдетъ — то я вѣчно твоя“. И посмотрите: онъ такъ увѣренъ, что она

никуда не уйдетъ, что прямо не обращаетъ на нее никакого вниманія. По его лицу, жесткому и крѣпкому, очень красивому для женщинъ (сильное лицо), видно, что онъ ни малѣйше не озабоченъ дальнѣйшей судьбой, и спокойно самъ знаетъ, что „не уйдетъ“.

Европейскіе историки культуры египетской все ищутъ легендъ, рассказовъ, новеллъ, — ищутъ „хоть начала беллетристики“, „по крайней мѣрѣ, — хоть начала“. Но зачѣмъ-же египтянамъ было дважды писать то, что они уже великолѣпно и бесконечно написали въ своихъ „въ одну линію“ рисункахъ. Ибо взглянувъ и особенно своей рукой перечертивъ рисунокъ этотъ, я знаю объ этомъ египтянинѣ и египтянкѣ рѣшительно все, что могъ-бы узнать изъ длиннаго „тома“: но знаю музыкально, какъ рѣшительно не могъ-бы узнать изъ „тома“. Суть и особенность египетскихъ рисунковъ, что они всѣ музыкальны, и, представляя „штрихъ“, на самомъ дѣлѣ рассказываютъ содержаніе. Но — безъ подробностей, право-же случайныхъ въ каждой біографіи. Ибо я конечно не знаю, къ кому именно они ходили въ гости, по-долгу-ли въ гостяхъ сидѣли, и о чемъ именно разговаривали. Это-то и есть обычныя „страницы“ беллетристики. Но зачѣмъ мнѣ знать ихъ? Я вижу по рисунку, что они были люди мирные, — онъ очень энергиченъ, она — тиха и скромна. Но онъ былъ человѣкъ строгій, справедливый, и сосѣди очень уважали его; а „родъ“ и родственники его надѣялись и опирались на „хромого“.

И отъ нихъ всѣмъ было хорошо. А отъ всѣхъ имъ было хорошо. „Вотъ и беллетристика“. Чего вамъ надо? Зачѣмъ ищите? Вы прослушали музыку и все изъ нея узнали.

Тайна и чудо, глубина и прелесть египетской цивилизаціи заключалась въ слѣдующемъ. Что въ ней „дерево выросло какъ выросло“. Оно и вездѣ растетъ: суть дерева. Но оно у однихъ народовъ растетъ „какъ должно“, у другихъ — „какъ требуютъ“. Еще — „какъ ожидаютъ“. Но у египтянъ никто не „ожидалъ“, не „требовалъ“ и не „дѣлалъ“: ибо они были первые. Потому „дерево росло какъ росло“. Мы все у нихъ находимъ „первичное“ и „пекущееся въ своемъ соку“. У нихъ не то, чтобы „не было брака“: но не было брака „по примѣру римлянъ“ или еще „по примѣру евреевъ“, по „закону Моисея“ или еще „по образцу Порціи и Катона“. — „Какъ-же дѣлать?“ И самого вопроса не представлялось: а — „нужно имѣть дѣтей“. „Суть брака“ сводилась къ „нужно имѣть дѣтей“. И у нихъ выработались двѣ линіи, хорошо засвидѣтельствованныя исторією: на недоумѣніе, „отъ кого-же имѣть дѣтей“, они отвѣтили: „ближе всего — отъ брата“. А дѣдовскій инстинктъ сказалъ: „я такъ хочу имѣть внуковъ отъ дочери, что имущество свое отдамъ не ей, а ея беременному животу“. Эти два восклицанія „матушки-натуры“ выработали двѣ „сѣмяно-дольки“ египетскаго брака: братнино-сестринскій бракъ, почти общепринятый у „grands seigneurs egyptiens“, и — „утробное право наслѣдованія“. „Наслѣдуетъ не сынъ и не дочь, а ребенокъ дочери“.

У взглянувшаго на картинку, какъ и навѣрное у сдѣлавшаго подъ нею подпись ученаго, мелькнула мысль, — наша грустная европейская мысль, — что въ рисунокѣ сокрыто „рабство женщины“, „рабство семейнаго ея положенія у египтянъ“. Безъ этой мысли навѣрное не было-бы подписано: „grand seigneur“; и молчаливое подсказываніе: „безъ рабства — онъ ее выгнать изъ дому“, да и она „держится рабою, дожидаясь наслѣдства отъ хромого и знатнаго мужа“. Между тѣмъ, она просто сестра ему, и равна по имущественному и сословному состоянію. Она отъ него ни въ чемъ не нуждается, а любитъ его. Почему-же „любить“, да еще „хромого“? Особенно-то любить именно потому, что онъ хромъ; а вообще любить, потому что онъ „смирилъ“ ее какъ мужъ. Въ Библии вездѣ сказано, что мужъ въ первый-же моментъ, какъ „познаетъ“ жену, — „смирятъ ее“. Отчего? какъ? Да мы и до сихъ поръ это знаемъ: мужъ передаетъ въ жену „пути“, коими она внутренне опутывается, связывается, и такимъ образомъ, что сама никакъ не хочетъ „уйти изъ нихъ“. „Въ сладкій медъ опущены мои ноги. И я хочу идти — но не могу почти. И все хочется сидѣть дома и держать мужа за ногу“.

Вотъ египетскій рисунокъ. Это — любовное рабство, а не законодательное рабство, не экономическое рабство. Все подобное — не начиналось, не брезжилось въ исторіи. Но суть любви — выразилась. О, какъ она выразилась, какъ хорошо выразилась, — говоримъ не съ гордостью господства, но съ безконечной вѣрой въ красоту любви. И вѣдь онъ правда ее „не замѣчаетъ“, идя къ дѣламъ своимъ, „съ костьюлемъ-то“. Да она и не держитъ его ни сколько, лишь приложивъ ладонь къ ногѣ, а не „ухвативъ его за ногу“. Она говоритъ ему только: „ты вспомнишь меня, милый, и къ вечеру — будешь мой“. „Я сниму съ тебя сандалии, и оботру пыль съ нихъ. И успокою тебя. И буду тебѣ лучше Суламиѳи“.

Дѣти египетскія.

А о дѣтяхъ египетскихъ намъ нечего писать: вотъ они:

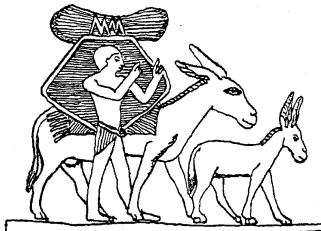

Рис. 45. Сцена въ могилѣ египтянина Ти.

Особенно хороши носишки и губа у обоихъ. Прямо — поцѣловать хочется. Такіе глупые. И преднамѣренно придано (замѣтно въ рисунокѣ) глуповатое выраженіе. Особенно — сыну (замѣтно по формамъ, что это — ослица и ея сынъ).

И еще — вотъ:

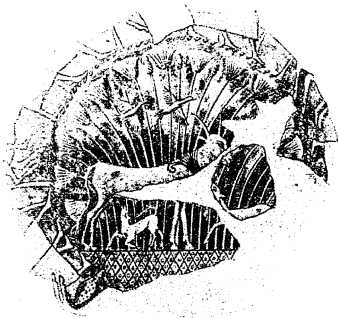

Рис. 46.

Читатель спроситъ: какъ? что? почему?

Но Геродотъ-же (книга II, гл. 36) сказалъ, какъ о „зрѣлишѣ передъ его глазами“, что „египтяне жили вмѣстѣ съ животными“, т. е. однимъ дворомъ и въ одной избѣ¹⁾. Тамъ люди лежали „въ середочкахъ“ между животными по-старше и животными по-моложе, между животными по-тяжелѣе себя и животными по-легче себя. И „въ середочкахъ“ имъ было тепло-тепло. И они ужъ не знали, которые „ребятки“ и дѣвчѣнки рождаются отъ нихъ, а которые ребятки и дѣвчѣнки рождаются отъ коровъ, ягнятъ и свиней. И посмотрите: гдѣ не идетъ „мамка съ ребятками“, „батька съ дочерями“, они непременно нарисуютъ осла „съ осленкомъ“, свинью „съ поросятами“. И „безъ семьи“ не воображали животныхъ, какъ и себя. Какъ-же имъ было не жить „тепло-тепло“.

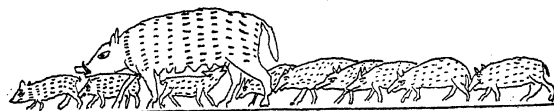

Рис. 47.

¹⁾ Рассказъ Геродота вездѣ прекрасно простъ. Вотъ это мѣсто въ связи съ другими соображеніями объ египтянахъ: „Въ другихъ мѣстахъ священнослужители носятъ длинные волосы, въ Египтѣ жрецы стригутся. У другихъ народовъ въ обычаѣ, что ближайшіе къ покойнику лица въ знакъ траура стригутъ себѣ волосы; египтяне въ случаѣ смерти родственника отпускаютъ себѣ волосы на головѣ и бородѣ, а обыкновенно ходятъ стриженными. У другихъ народовъ люди живутъ отдѣльно отъ животныхъ, египтяне живутъ вмѣстѣ съ ними“.

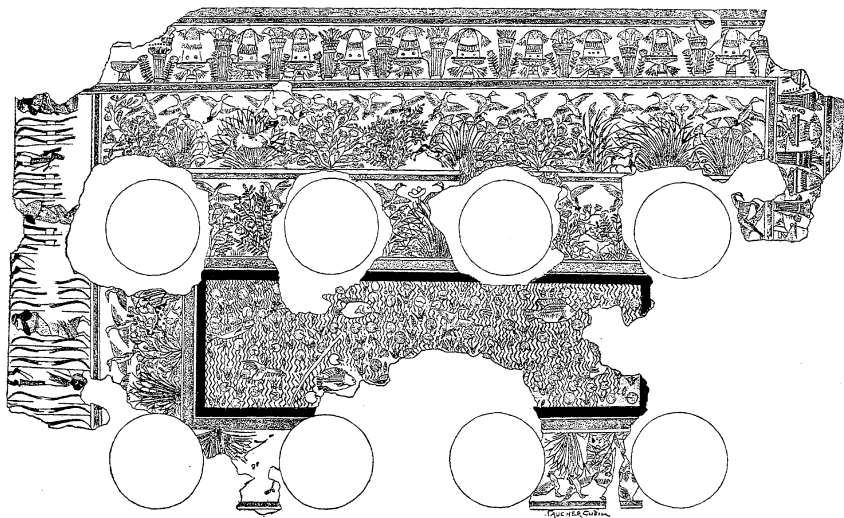

Рис. 48¹⁾. Настилка одной изъ залъ дворца Аменофиса IV-го (Эль-Амарна).

¹⁾ Рис. 48. Тутъ всё „дни сотворенія“, — сотворенія „въ водахъ рыбъ большихъ“, на землѣ — „животныхъ“, и надъ землею — „птицъ летающихъ“. Но обратите вниманіе: точно все „выскочить изъ себя хочеть“: такъ все переполнено бытія, силы, утвержденія. Мерцаеть въ умѣ сближеніе съ исполиномъ-младенцемъ сказки, который будучи засмоленъ въ бочку — „потянулся, уперся головою въ доньшко, — и дно отлетѣло, а онъ вышелъ на землю“. Здѣсь (и всюду въ Египтѣ) природа взята въ рѣзкомъ чувствѣ начала бытія своего, „недалекости созданія“, и это ощущеніе составляетъ настоящее чудо Египта, тайну и загадку Египта. Но откуда, откуда? Почему, почему? Слѣдующее, развѣ вы не видите: наверху, надъ воздухомъ, въ которомъ рѣютъ птицы, т. е. на какомъ-то „будто потолокъ надъ міромъ“ стоитъ рядъ тѣхъ самыхъ изображеній, какое финиціане Библоса воздвигли надъ святилищемъ своимъ (см. выше, стр. 59). Это — мужской фетишъ, „отъ котораго родится все“, — „бысть бытіе всему“. И, какъ я предположилъ, въ Библосѣ „святилище было обсажено невысокими деревьями и цвѣтами“, такъ посмотрите здѣсь — фетишъ украшенъ цвѣтами, вѣтвями и растеніями, — о, какъ украшенъ, до „преизбыточества“!!! И это не „рисуночекъ“, а — дѣло, не „арабески художника“, а онъ не смѣлъ сдѣлать иначе, потому-что это истина и сущность и исповѣданіе Египта. Нельзя усомниться, что источникъ всего этого оживленія и какъ-бы воздушности, крылатости природы, лежалъ въ египетскихъ „тайнствахъ“, гдѣ они какъ-бы „вѣнчались“ съ источниками бытія, приходили въ необыкновенную близость съ ними, прикосновеніе, касаніе. И „выходя на воздухъ“ — смотрѣли на міръ какъ „новобращные“... Смотрите, вѣдь у „новобращныхъ“ другой взглядъ на вещи, чѣмъ у „старобращныхъ“ и чѣмъ у „холостыхъ“. Египтяне вотъ и жили въ вѣчномъ „новобраччїи“: и это не природа „выскакивала у нихъ изъ орбиты бытія своего“, а это безумно свѣдѣль глазъ ихъ увидѣлъ, „по себѣ“, и всю природу въ „вѣчномъ медовомъ мѣсѣцѣ“. Съ рисунковъ ихъ, правда, каплетъ мѣдъ. Смотрите, наблюдайте, замѣчайте!!!

И они объединились съ міромъ, не написавъ диссертацій „De rerum essentia“, а нарисовавъ вездѣ, что „essentia“ всего міра — одна, что нѣтъ „много-сушія“, есть одно-сушіе, едино-сушіе. Позднѣй мы увидимъ это въ безчисленныхъ изображеніяхъ. Это-то и образуетъ универсализмъ Египта. Но универсализмъ не „одной мысли, пронизывающей міръ“, а единого бѣнія пульса, трепещущаго въ цѣломъ мірѣ. Отъ звѣздъ и до былинки. А пока — вотъ картинка, гдѣ съ одного взгляда видно, что египтяне точно „обхватили міръ“ въ одну охапку, и, поваливъ на себя, воскликнули: „намъ такъ хорошо, что на плечахъ своихъ мы выдержимъ цѣлый міръ“.

Первая колыбельная пѣсня на землѣ.

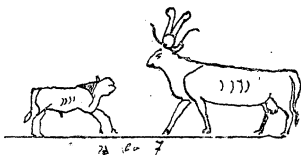

Рис. 49.

Дамъ тебѣ я на дорогу
 Образокъ святой,
 Ты его, моляся Богу,
 Ставь передъ собой,
 Да готовься въ бой опасный
 Помни мать свою...

.....
 .....

Вотъ, въ этой пѣснѣ, эмбрионъ всѣхъ кистей Рафаэля... всѣхъ его образовъ, понятій, чувствъ. И никакого — еще представленія въ основѣ его, кромѣ какъ этотъ рисуночекъ, нарисованный египтянами въ такъ называемой у нихъ „Книгѣ мертвыхъ“, т. е. въ книгѣ „ожившихъ тамъ, на небѣ“, каковую, начертавъ на папирусѣ, они давали въ руки своимъ уснувшимъ.

И никто, никто, никто и доселѣ, до нашихъ временъ и до ресторановъ въ Парижѣ, не смогъ отъ образа этой пѣсни и отъ этого изображенія египетскаго подвинуться ни вправо, ни влѣво, ни назадъ, ни впередъ.

Ни въ ощущеніи материнства, ни въ тонѣ и мелодіи Колыбельной пѣсни.

И что такъ просто вышло у египтянъ, это — хорошо. Изъ этого „телѣночка съ коровой“ черезъ три тысячи лѣтъ могъ и долженъ былъ образоваться Рафаэль, а изъ ста Рафаэлей только съ одними его кистями и красками не вышло-бы всетаки такого рисунка. Ибо у того были кисти, а египтяне прѣлили сюда сердце и вложили мудрость.

Пѣсня пѣсней.

Есть двѣ „Пѣсни пѣсней“. Одну поютъ евреи въ субботу. Но надъ каждымъ израильтяниномъ одинъ разъ поеть „Пѣснь пѣсней“ Богъ: это — когда онъ обрѣзывается. И ее слышать родители и веселятся. И слышать гости и подпрыгиваютъ. Но чужимъ они никому объ этомъ не сказываютъ.

Обрѣзаніе у египтянъ.

Относительно обрѣзанія у египтянъ Геродотъ выражается со знаніемъ личности. Въ общемъ теченіи разсказа, вотъ какъ онъ говоритъ о немъ:

„... Тѣсто египтяне мѣсятъ ногами, глину руками; руками-же подбираютъ навозъ.¹⁾ Прочіе люди оставляютъ дѣтородные органы въ ихъ естественномъ видѣ, — за исключеніемъ тѣхъ, которые усвоили себѣ египетскій обычай; а египтяне совершаютъ обрѣзаніе“ (книга II, глава 35).

Глубокоуважаемый ученый нашъ, Николай Петровичъ Лихачевъ, бывший помощникъ директора Императорской Публичной Библиотеки, авторъ монументальныхъ трудовъ по русской — свѣтской и церковной — исторіи („Иконографія Богоматери“), — оказывается не менѣе, нежели къ русской, прилежитъ и къ всемирной исторіи, и прилежитъ именно въ ея основахъ, поднимающихся отъ Египта, Халдеи и Сиріи, — отъ Авраамовыхъ и Сезострисовыхъ чреслъ. И вотъ онъ-то далъ мнѣ ознакомиться „въ картинѣ“ съ обрѣзаніемъ у египтянъ. Едва была напечатана въ газетѣ первая-же моя статья о Египтѣ: „Пробуждающийся интересъ къ Египту“, — какъ онъ изъ немногихъ строкъ ея, — для всякаго вообще читателя даже и непонятныхъ, — о „родительствѣ міра“, объ „отыскиваніи египтянами Отца-Небеснаго“ — сразу прозорливо схватилъ всю мысль моихъ истолкованій Египта, — истолкованій, которыя у египтологовъ не только не приняты, но и всѣми мѣрами у нихъ отвергаются, презируются и скрываются. И въ длинныхъ разговорахъ и треніи „плечомъ около плеча со мною“, сталъ совершенно на мою сторону. Именно: ученые всѣ скрываютъ, вопреки тысячамъ египетскихъ памятниковъ, вопреки „всему зрѣлищу Египта“, какъ онъ виденъ въ монументахъ, описанныхъ экспедиціями Бонапарта, Лелсіуса (прусскаго правительства), Росселлини (итальянскаго правительства), — что Египеть, и отчасти весь Востокъ, прожилъ четыре тысячи лѣтъ собственно для того, чтобы остановиться на темѣ и гениально разработать тему единую, всемирную, всякимъ человѣкамъ нужную, каждому изъ насъ неизбѣжную, и кромѣ того радостную, восхитительную, согрѣвающую Вселенную: тему и идею Отчества

¹⁾ Я думаю — это ритуально и религіозно: потому, во-первыхъ, что коровы почитались на протяженіи всего Египта священными, у насъ-бы сказано было — „святыми“. Но и не это одно: вторая причина заключалась въ высококомъ и даже высочайшемъ почитаніи скарабея, — „священнаго жука“, который въ то же время былъ „обыкновеннымъ навознымъ жукомъ“.